

6. Циммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме : [электронный ресурс] / М. Циммерман ; [пер. с англ. Е. Пустошкина]. – Режим доступа : <https://docs.google.com/file/d/0B1-zXES9nK8OODJkYTQ2ZWEtOWYxYi00Mzk4LTg5NDYtNjk4NmU4ODJiMDg5/edit?pli=1>.
7. Якобсон Д. Формирование образа в киберпространстве: online-ожидания и offline-реальность в «текстовых» виртуальных сообществах / Д. Якобсон ; [пер. с англ. Е. Длугача] // Массовая культура: современные западные исследования. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – С. 177-203.
8. Яцино М. Культура индивидуализма / М. Яцино ; [пер. с польск. А. Комаристова]. – Х. : Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.

УДК 130.2:316.351

Рыжкова Д. С.
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ТРУДНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНДИВИДА

В статье идёт речь о классических формах определения идентичности и их соответствию или несоответствию реалиям современного мира. Анализируются такие типичные форматы идентичности, как национальная, гендерная, религиозная идентичность. Поднимается вопрос о трудностях, стоящих перед современным индивидом в попытке найти и окончательно закрепить за собой ту или иную идентичность. Выясняется степень консолидации индивидов с теми социальными группами, за которыми исторически закреплена идентификационная функция. Сделан вывод о необходимости пересмотра классических взглядов на идентичность и поиска новых принципов и оснований для человеческой идентификации.

Ключевые слова: идентичность, нация, город, религия, гендер.

У статті йдеться про класичні форми визначення ідентичності та їх відповідність чи невідповідність реаліям сучасного світу. Аналізуються такі типові формати ідентичності, як національна, гендерна, релігійна ідентичність. Піднімається питання про труднощі, що стоять перед сучасним індивідом у спробі знайти і остаточно закріпити за собою ту чи іншу ідентичність. З'ясовується ступінь консолідації індивідів з тими соціальними групами, за якими історично закріплена ідентифікаційна функція. Зроблено висновок про необхідність перегляду класичних поглядів на ідентичність і пошуку нових принципів і підстав для людської ідентифікації.

Ключові слова: ідентичність, нація, місто, релігія, гендер.

In the article it is told about the classical forms of specification of the identity and their compliance or non-compliance with the realities of the modern world. It is analyzed the typical formats of identity such as a national, gender, religious identity. The questions about the difficulties facing to the modern individual in an attempt to find and finally fix one or another identity is raised. It is finding out the degree of consolidation of individuals with those social groups, for which historically anchored the identity function. It is concluded about the necessity of revising the classical views on the identity and about the search for new principles and basis for human identification.

Keywords: identity, nation, city, religion, gender.

Основной *проблемой* данной статьи является попытка выяснить актуальность исторически сложившихся форм идентичности для современного мира. *Актуальность* работы состоит в том, что немногие авторы на данном этапе пришли к комплексному взгляду на идентичность, предпочитая дробить его на мелкие составляющие. Здесь же предпринята попытка охватить максимальное количество форм. *Целью* работы является выявление несостоятельности национальных, гендерных, религиозных подходов в целостном взгляде на идентичность. При приближении к цели решается *задача* обзора классических тем. *Степень разработанности* проблемы представлена довольно большим количеством авторов, однако для

данной статьи наиболее значимыми являются работы А. А. Мусиездова, Х. Г. Тхагапсоева и А. Турена. *Новизна* заключается в попытке посмотреть на идентичность с позиции индивида.

Идентичность в современности – понятие многогранное и зависящее от множества факторов. Наиболее распространено понимание идентичности в качестве некоей меры социального бытия и психической жизни человека – соответственно в контекстах наук о человеке: психологии, антропологии, этнологии. Первый тип изучения идентичности предполагает её субъективное начало, то есть определение того, как личность соотносит себя с некими образцами социального и культурного бытия. Вторая концепция видит идентичность чем-то эссенциальным, объективно данным. Третья концепция настаивает на том, что идентичность – целостное понятие, предполагающее самоидентичность как внутреннюю, так и внешнюю. «В системе социального бытия (и социально-гуманитарных знаний) за категорией идентичности оказываются смысловые миры и знаково-символические формы ментально-психического, культурного и социального бытия человека, отличающиеся крайней неоднозначностью, принципиальной открытостью и спонтанной изменчивостью» [4, с. 16].

Поиск собственной идентичности позволяет дистанцироваться от навязанных коллективных ценностей, обрести некое внутреннее своеобразие и тем самым приблизиться к собственной свободе. Конечно же, сложно быть одиночкой и действовать совершенно без оглядки на других, но, как показывает практика, идентичность индивида формируется не только под воздействием общности. Довольно часто идентичности формируются благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры. Как показывают исследования, взаимодействие между обществом, историей и человеческой идентичностью не линейно, а взаимобратимо.

Кроме этого, многие индивиды не считают поиск идентичности своим долгом – для них достаточно обладать просто определённым «стилем жизни». Некоторые исследователи настаивают на разграничении и чёткой дифференциации понятий «стиль жизни» и «образ жизни», в том числе и в переложении на городское пространство. Так первое представляет собой нечто внешнее, показное, призванное представить индивида перед другими в определённом свете. В то время, как второе предполагает внутренние основания и принципы для взаимодействия между индивидом и пространством его обитания в самом широком смысле.

«Во-первых, в современных информационных пространствах доминируют, скорее, комплексы привлекательно подаваемых символов и знаков “ныне модной” персональной (личной) идентичности всевозможных кумиров, нежели богатое многообразие глубоких и оригинальных смыслов бытия. <...> Во-вторых, роль ныне бытующих информационных потоков, (беспрецедентных по насыщенности и многообразию) и информационных технологий в формировании личной (персональной) идентичности явно амбивалентна – эти потоки могут как размывать идентичность человека, формируя “абберирующую личность”, лишённую принципов и убеждений, так и сработать на формирование уникальной идентичности образованного и критично мыслящего человека. Здесь всё зависит от личных усилий и ценностных позиций индивида». [4, с. 23]

Членение идентичности на отдельные сегменты не всегда оправдано и зачастую может вызвать некоторые трудности. Так классификация идентичности по территориальному признаку чрезвычайно затруднена. С одной стороны, всё ещё существуют нации и более мелкие сообщества, обладающие в той или иной мере групповой консолидацией. С другой стороны, отдельные индивиды далеко не всегда успевают адаптироваться к стремительной урбанизации. Средняя продолжительность жизни составляет 50-80 лет. Среднее время построения нового города составляет 15-20 лет. [6]

Многие из тех, кто прожил полжизни в условиях сельской местности, не могут окончательно адаптироваться даже к пространственным горизонтам. В то же самое время, представители более молодого поколения невольных переселенцев из сельской местности в город, как правило, адаптируются довольно быстро и легко встраиваются в городскую иерархию. Житель сельской местности привык к широким открытым горизонтам и неспешности. Нахождение в пространстве, где горизонт не виден благодаря множеству вертикалей и в стремительном потоке времени может действовать на него угнетающе. Конечно,

при желании он может найти для себя в городе удобное место для жизни. Однако взаимодействовать со средой ему придётся всё в тех же некомфортных для него условиях.

Что касается различных миграционных процессов, ситуация здесь во многом зависит от типа миграции и от конкретного городского пространства. Так, например, многие урбанисты, социологи и философы сходятся в мысли о том, что идентичность москвичей – понятие очень спорное и далеко не всеобъемлющее, так как многие из тех, кто регулярно ездит работать в Москву из пригорода, равно как и тех, кто уже живёт в Москве, воспринимают этот город исключительно как гигантский деловой центр. [1] У индивидов отсутствует в восприятии образ данного города. Похожая судьба в современности сложилась у многих крупных городов, львиную долю населения которых составляют приезжие.

Ещё один интересный феномен – крупнейшие города в США. Привлечённые информационной разнородностью, наличием рабочих мест и другими городскими ресурсами, в эти города в течение продолжительного времени стекались переселенцы со всего мира. Так как адаптироваться в новой среде нелегко, переселенцы создавали свои замкнутые районы, конгломераты, основанные, как правило, на общности той или иной нации. Однако с течением времени эти «национальные общности» в миниатюре настолько далеко уходили в своём культурном развитии от той донорской нации, которая их породила, что зачастую уже не могли понять новоприбывших, хотя, казалось бы, говорили всё ещё на одном языке.

Если спросить представителя любого национального меньшинства во втором поколении в одном из крупных городов США о том, к какой нации он принадлежит, большинство причислит себя к американцам и уже во вторую очередь вспомнит о своих корнях. Исключение составляет лишь крайне замкнутый китайский конгломерат, представители которого редко вступают в брачные связи с представителями иных этносов и зачастую не выходят за пределы своего квартала из-за языкового барьера. По большей части только молодежь, так или иначе, выходит в «большой мир».

Похожая схема отсутствия адаптации случается и с некоторыми общинами выходцев с арабского востока, так как население тамошних государств по большей части мусульманское и в чужих странах старается жить скорее по религиозным законам ислама, чем по светским законам того государства, где они на данный момент обитают. Конечно, некоторые законы шариата категорически невыполнимы в демократических условиях многих западных государств, однако адаптация здесь достаточно поверхностна. Для них религиозная общность зачастую куда важнее фактического места обитания.

Если с национальными общностями всё понятно – большая их часть, так или иначе, адаптируется к изменяющимся условиям и к новым местам обитания, встраивается в городскую структуру, отталкиваясь от собственной национальной идентичности и реформируя её, то с теми, кто уже не может отталкиваться от принадлежности к какой-то конкретной нации из-за смешения кровей, либо же не хочет иметь ничего общего с представителями своей нации (и выбирает иммиграцию в качестве выхода) дело обстоит гораздо сложнее.

Вторая категория населения, для которой не всё легко с выбором формата идентичности, это так называемая доминирующая нация. В случае с городом под тот же критерий попадают коренные жители. Общность слишком велика, критерии слишком размыты. Национальная идея в данном случае может полностью удовлетворить исключительно тех или иных «борцов за чистоту нации». Для остальных существует слишком мало точек соприкосновения – им нет нужды сохранять и оберегать свою культуру и язык, большинству просто нет до этого дела. Поиск идентичности сразу уходит в другое направление – профессиональную сферу, сферу религии, однако результаты этих исканий также далеко не всегда бывают удовлетворительными.

Кроме этого, здесь работает аксиологический момент. Многие не ценят те города, где они родились и соответственно, не испытывают никакой потребности в формировании у себя позитивного образа города. Соответственно, их идентификация усложняется за счёт того, что они предпочитают дистанцироваться как от своего города, так и от городского пространства в целом.

Третья категория людей – самая сложная. Её представителей можно охарактеризовать как путешественников или бродяг. Как правило, это люди, чей единственный «собственный»

дом – это комната в доме родителей. Большую часть своей жизни они перемещаются с места на место, меняя съёмные квартиры и номера в отелях. Трудно понять, какой критерий идентичности выбрать в данном случае – национальная идея срабатывает далеко не всегда. А назвать такого человека жителем какого-то конкретного города или даже государства достаточно сложно, так как летом его адрес постоянного проживания например: Киев, Украина, а зимой: Бангкок, Таиланд. И это ещё не худший случай, так как такие «непоседы» могут по работе или из личных предпочтений перемещаться в непредсказуемых направлениях буквально каждый месяц.

Если говорить о религиозной идентичности, сложности также возникают. Существуют так называемые «мировые религии», к представителям которых в той или иной степени относит себя достаточно большой процент населения Земли. Однако кроме этого существуют разные течения и направления внутри этих религий. Шииты и сунниты считают друг друга едва ли не большими врагами, чем христиан и иудеев. Также вполне закономерно существует множество мелких религиозных общин, которые, с одной стороны, вроде как входят в лоно той или иной церкви, а с другой стороны – всячески подчёркивают свою уникальность и самобытность. Не стоит забывать о наличии в любом обществе и в любом городе различного рода атеистов, агностиков и скептиков, для которых в принципе невозможна религиозная самоидентификация в том формате, в котором она предполагает причисление себя к некой общности.

Помимо этого, существует ещё разная степень вовлеченности в ту или иную религию. Конечно, есть те, для кого их религия является единственной и неизменной мировоззренческой парадигмой. Однако их процент в современных городах не так уж велик. Большинство тех, кто считает себя представителем той или иной религиозной конфессии, относит себя к ней лишь формально. Эти люди могут считать себя представителями той или иной религиозной конфессии, не соблюдая заповедей своей религии и не посещая церковь, как бы странно и парадоксально это не звучало. Соответственно, идентификация по религиозному принципу здесь тоже весьма поверхностна.

Что касается различных вариантов гендерной идентификации, то здесь основная проблема состоит в том, что сообщество «своих» чрезвычайно велико. Если ты, скажем, женщина, довольно сложно персонализироваться и делать обобщения, так как под это определение подпадает половина земного шара, причём это люди разного возраста, социального положения, воспитанные в лоне совершенно различных традиций – от феминистически-настроенных женщин из Германии и Франции, до сугубо религиозных и «традиционных» женщин ближнего востока.

Если же говорить о сексуальных меньшинствах, большинство их представителей, конечно, относит себя к той или иной группе, однако, во-первых, сексуальные меньшинства разных государств и разных городов различаются степенью свободы и взаимной консолидации, а во-вторых, далеко не все готовы выставлять свою личную жизнь напоказ, а потому не принимают участия в большинстве тематических мероприятий. Индивид может признавать за собой и другими право на отличие от общепринятой нормы, однако это не означает его автоматическую вовлеченность в круг единомышленников.

Таким образом, проблема идентичности, а в особенности – проблема самоидентификации, в современном мире стоит достаточно остро. «Индивидуум, человек в себе, существующий в каждом из нас, страдает от разрыва, ощущаемого им в итоге распада как его жизненного опыта, так и институционального порядка, самого этого мира, наконец. Мы больше не знаем, кто мы есть. Наша основная проблема вызвана тем жутким гнетом, которому подвергли нас запреты и закон; мы страдаем от патологии, порожденной невозможностью формирования нашего Я вне зависимости от того, погрязло ли оно в массовой культуре или находится под влиянием авторитарных сообществ» [3, с. 1].

По мысли некоторых исследователей, в современности под кризисом идентичности стоит понимать уже не невозможность найти своё Я, а невозможность приспособиться к постоянно меняющимся условиям жизни. Неустойчивые социально-идентификационные состояния индивидов уже успели стать нормальными. [5] И не остаётся ничего другого, кроме как принять эту ситуацию как данность и осознать, что в современности идентификация

нікогда не может быть завершена. И именно её непрерывность и бесконечность могут быть названы характерными чертами современной идентичности.

«Тенденцией исторического процесса является уменьшение влияния общества на идентичность – на определение того, кем человек является. Если ранее идентичность приписывалась индивиду практически без его собственного участия в процессе идентификации, то современный этап развития общества не только проблематизирует идентичность, но и выдвигает человеку требование самоопределения – выбора собственной идентичности. В современном обществе идентичность выступает рефлексивным проектом и требует конструирования самим индивидом» [2, с. 52].

Необходимо разобраться, как встраиваются в городскую структуру представители разных культур и общностей, а также пресловутые одиночки «без роду и племени», женщины, люди нетрадиционной ориентации. Также следует понять, является ли такая идентичность существенным критерием или необходимо всё же искать другие основания для разобщения и консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью / В. Вахштайн // НЛЮ. – 2013. – № 21. – С. 38-46.
2. Мусиездов А. А. Территориальная идентичность в современном обществе / А. А. Мусиездов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 51-59.
3. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные : [электронный ресурс] / Алэн Турен ; [пер. с фр.]. – Режим доступа : http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1465.html.
4. Тхагапсоев Х. Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Х. Г. Тхагапсоев // Философские науки. – 2011. – Спецвыпуск 1. – С. 11-25.
5. Beaumont J. Plural Governance, Participation and Democracy in Cities / J. Beaumont, W. Nicholls // International Journal of Urban and Regional Research. – March 2008. – Volume 32.1. – pp. 87-94.
6. Madanipour A. Designing the city of reason: foundations and frameworks / A. Madanipour. – London ; New York : Routledge, 2007. – 342 p.
7. Morley D. Spaces of Identity. Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries / Morley D., Robins K. – London ; New York : Routledge, 2002. – 257 p.

УДК 1:316.3

Байрачний В. О.

Національний аерокосмічний університет імені М. Є. Жуковського «Харківський авіаційний інститут»

СОЦІАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ЯК ПОВЕДІНКОВИЙ ІМПЕРАТИВ ОСОБИСТОСТІ: ДО ПОСТАНОВКИ ПИТАННЯ

Показано, що соціально-філософський аналіз соціальної відповідальності як поведінкового імперативу особистості пов'язаний з неоднозначністю процесів, що відбуваються в Україні і наслідком яких є все більш відчутна потреба у формуванні особистості, яка має активну громадянську позицію. Доводиться обумовленість соціально відповідальної поведінки орієнтацією на соціальне благо, що дозволяє оптимально збалансувати приватні і суспільні інтереси. Обґрунтовано, що в сучасних суспільних умовах соціальна відповідальність з елемента соціальної дії повинна перетворитися на поведінковий імператив особистості.

Ключові слова: соціальна відповідальність, категоричний імператив, поведінковий імператив особистості, соціальне благо, соціальна дія.

Показано, что социально-философский анализ социальной ответственности как поведенческого императива личности связан с неоднозначностью процессов, которые происходят в Украине и следствием которых является все более осязаемая потребность в формировании личности, которая имеет активную гражданскую позицию. Доказывается обусловленность социально-ответственного поведения